

Р1
Т184

КНИГА ЗА КНИГОЙ

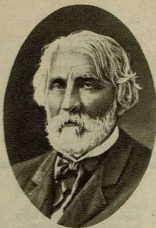

И. С. ТУРГЕНЕВ

Муму

P1
T 87

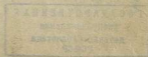

И. ТУРГЕНЕВ

МУМУ

**РИСУНКИ
Б. ДЕХТЕРЕВА**

**ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД**

СОКРАЩЕННЫЙ ТЕКСТ ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Редактор К. ПИСКУНОВ.
Тех. редактор М. ГОДОВАНОВА.
Корректор Г. РАНУТО.
Сдано в проза. 27/III—1936 г.
Подписано к печати 8/V—1936 г.
Детиздат № 670. Надлеж Д-6.
Формат 62 x 94¹/₂ мм. 2 печ. л.
Уполномоч. Главлита Б-22215.
Тираж 100 000. Заказ № 1627.

Фабрика детской книги изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ,
Москва, Суворовский вал, д. 40.

2013
474679 к/к; муз.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
республиканская
детская библиотека
РСФСР

В одной из отдаленных улиц Москвы в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покрывшимся балконом жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней.

Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Гарасим, сложенный богатырем и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одаренный необычайной силой, он работал за четверых — дело спорилось в его руках, и весело

было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошаденки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трехаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твердые мышцы его плечей. Но вот Гарасима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житье. С детства привык он к полевым работам в деревенском быту. Занятия Гарасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжелых крестьянских работ; в полчаса все у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них разрешения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Гарасим привык, наконец, к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома да чужих не пускать

и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая дьяча-водо-возка, он только двинет плечом — и не только телегу, самое лошадь спихнет с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья, а что насчет чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не веди, все в околотке очень стали уважать его; даже днем проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Гарасим находился в отношениях не то чтобы приятельских, — они его побаивались, — а коротких; он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье. Вообще Гарасим был нрава строгого и серьезного, любил во всем порядок; даже петухи при нем не смели драться, а то беда — увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Гарасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и

кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил ее себе сам, по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырех чурбанах — истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на нее — не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика — стул на трех ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Гарасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнется. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только черный; ключ от этого замка Гарасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему *ходили.

Так прошел год, по окончании которого с Гарасимом случилось небольшое происшествие.

Дело было к вечеру. Он шел тихо вдоль реки и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Гарасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой, сунул ее к себе в пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошел в свою каморку, уложил спасенного щенка на кровать, прикрыл его своим тяжелым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув ар-

мяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у ней прорезались недавно; один глаз даже казался немного больше другого; она еще не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Гарасим взял ее легонько двумя пальцами за голову и принагнул ее мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясясь и захлебываясь. Гарасим глядел, глядел да как засмеется вдруг...

Всю ночь он возился с ней, укладывал ее, обтирал и заснул, наконец, сам возле нее каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребенком, как ухаживал Гарасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а месяцев через восемь благодаря неусыпным попечениям своего спасителя превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Гарасиму и не отставала от него ни на шаг, все ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал — немые знают, что мычание их обращает на себя внимание других — он назвал ее Муму. Все люди в доме ее полюбили и кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Гарасима. Гарасим сам ее любил без памяти... и ему было неприятно,

когда другие ее гладили: боялся он что ли за нее, ревновал ли он к ней — бог весть! Она его будила по утрам, дергая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для нее прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Гарасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в нее, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурив глаза, лает просто от скуки, так, на звезды, и обыкновенно три раза сряду — нет! тонкий голос Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был еще кроме ее на дворе старый пес, желтого цвета, с бурыми крапинами, по имени Волчок, но того никогда, даже ночью, не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы — лежал себе свернувшись в своей конуре и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила, и, когда Гарасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца,

наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево при малейшем стуке за дверями...

Так прошел еще год. Гарасим продолжал свои дворнические занятия и очень был доволен своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство, а именно: в один прекрасный летний день барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила; приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил веселый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам) — и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела ее.

— Боже мой, — воскликнула она вдруг: — что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, бедненькая, с тем тоскливым беспокой-

ством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он еще не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

— Н...н...е знаю-с, — пробормотала она: — кажется, немного...

— Боже мой! — прервала ее барыня: — да она премиленькая собачка! Велите ее привести. Давно она у него? Как же я это ее не видала до сих пор? Велите ее привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

— Человек, человек! — закричала она. — Приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

— А, ее Муму зовут, — промолвила барыня. — Очень хорошее имя.

— Ах, очень-с! — возразила приживалка. — Скорей, Степан!

Степан, дюжий парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Гарасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевертывая ее в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить ее у самых ног ее хозяина; но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увертывалась. Гарасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец, Степан с досадой приподнялся и поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Гарасим немного изумился, однако, подозвал Муму, поднял ее с

земли и передал Степану. Степан принес ее в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала ее ласковым голосом подзывать к себе. Муму, от роду еще не бывавшая в таких великолепных покоех, очень испугалась и бросилась было к двери, но, оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

— Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне, — говорила госпожа: — подойди, глупенькая... не бойсь...

— Подойди, подойди, Муму, к барыне, — твердили приживалки: — подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

— Принесите ей чего-нибудь поесть, — сказала барыня. — Какая она глупая! К барыне нейдет. Чего боится?

— Оне не привыкли еще, — произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принес блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась попрежнему.

— Ах, какая же ты! — промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуясь и извиняясь...

Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки ее испугало.

— Ах! — закричали разом все приживалки. — Не

укусила ли она вас, сохрани бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) — Ах, ах!

— Отнести ее вон, — проговорила изменившимся голосом старуха. — Скверная собачонка! Какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остановилась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? Ведь я вас не зову», и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил ее поскорей за дверь, прямо к ногам Гарасима, а через полчаса в доме уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидела на своем диване мрачнее грозовой тучи. Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что о-де-колон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнет мылом, и заставила кастеляншу все белье перенюхать, — словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

— Скажи, пожалуйста, — начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего лепетания, переступил порог ее кабинета, — что это за собака у нас на дворе всю ночь лаяла? Мне спать не дала!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет.

— Собака-с... какая-с?.. Может быть, немного собака-с? — произнес он не совсем твердым голосом.

— Не знаю, немного ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желая знать! Ведь есть у нас дворная собака?

— Как же-с, есть-с. Волчок-с.

— Ну, чего еще, на что нам еще собака? Только одни беспорядки заводить. Старшего нет в доме — вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызет, а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

— Чтоб ее сегодня же здесь не было... слышишь?

— Слушаю-с.

— Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову.

Гаврило вышел.

Проходя через гостиную, дворецкий для порядка переставил колокольчик с одного стола на другой, втихомолочку высморкал в зале свой утиный нос и вышел в переднюю.

В передней на конике спал Степан в положении убитого воина на батальной картине, судорожно вытянув обнаженные ноги из-под сюртука, служившего ему вместо одеяла. Дворецкий растолкал его и вполголоса сообщил ему какое-то приказа-

ние, на которое Степан отвечал полу-зевком, полу-хохотом. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя кафтан и сапоги, вышел и остановился у крыльца. Не прошло пяти минут, как появился Гарасим с огромной вязанкой дров за спиной в сопровождении неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинет приказывала протапливать даже летом.) Гарасим стал боком перед дверью, толкнул ее плечом и ввалился в дом с своей ношей, а Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться. Тогда Степан, уловив удобное мгновение, внезапно бросился на нее, как коршун на цыпленка, придавил ее грудью к земле, сгреб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с ней на двор, сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный Ряд. Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил ее за полтинник, с тем только, чтоб он по крайней мере неделю придержал ее на привязи, и тотчас вернулся; но, не доезжая до дому, слез с извозчика и, обойдя двор кругом, с заднего переулка, через забор перескочил на двор; в калитку-то он побоялся итти, как бы не встретить Гарасима.

Впрочем, его беспокойство было напрасно. Гарасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму: он еще не помнил, чтоб она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать ее, кликать по-своему... Бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу, туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками

спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал ее руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Гарасим побежал со двора долой.

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомленному виду, по неверной походке, по запыленной одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал еще раз: «Муму!» Муму не отозвалась. Он пошел прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... А любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Гарасим не показывался, так что вместо него за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап очень остался недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ее приказание. Гаврило отвечал, что исполнено. На другое утро Гарасим вышел из своей каморки и принялся за работу. К обеду он пришел, поел и ушел опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но не надолго, вернулся и тотчас отправился на сено-

вал. Настала ночь, лунная, ясная. Тяжело вздымая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Гарасим и вдруг почувствовал, как будто его дергают за полу; он весь затрепетал, однако, не поднял головы, даже зажмурился, но вот опять его дернули, сильнее прежнего; он вскочил... Перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул ее в объятиях; она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку. Гарасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на нее окрысилась, и он решил принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал ее, уложил, потом начал соображать да всю ночь напролет соображал, как бы получше ее спрятать. Наконец, он придумал весь день оставлять ее в каморке, и только изредка к ней наведываться, а ночью выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть-свет был уже на дворе, как ни в чем не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лице. Бедному глухому в голову не могло притти, что Муму себя визгом своим выдаст. Действительно, все в доме скоро узнали, что собака немого воротилась

И74679

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
РСФСР

и сидит у него взаперти, но, из сожаления к нему и к ней, а отчасти, может быть, и из страха перед ним не давали ему понять, что проведали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдет!» Зато никогда так немой не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, вылол все травки до единой, собственноручно повыдергал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколол, — словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение. В течение дня Гарасим раза два украдкой заходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лег спать вместе с ней в каморке, а не на сеновале, и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму навострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнестись на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай ее разбудил; сердце у ней забилось и замерло. «Девки, девки! — простонала она. — Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! — проговорила

она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» И она закинула голову назад, что должно было означать обморок. Бросились за доктором, то есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого все искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно братья за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, а остальное время все вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями, — этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднес ей на серебряном подносике рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бедную, старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, все хотят ее смерти. Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Гарасим напрасно старался отозвать ее от забора.

«Вот... вот... опять...» пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девочке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврило, сгоряча, велел поднять весь дом.

Гарасим обернулся, увидал замелькавшие огни и тени в окнах и, почуяв сердцем беду, схватил Муму подмышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломи-

лись в его дверь, но, почувствовав сопротивление, засова, остановились. Гаврило прибежал в страшных попыхах, приказал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же ее в живых не будет и чтобы барыня, сделала милость, не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь, второпях, вместо двенадцати капель, налил целых сорок; сила лавровишенья и подействовала — через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно, а Гарасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврило ожидал ее пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Гарасимово убежище, а сам готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

— Любовь Любимовна, — начала она тихим и слабым голосом: она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдальцей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко. — Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положение; подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели

для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому верить, — прибавила она с выражением глубокого чувства. — Подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Неизвестно, о чем происходил у них разговор, но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Гарасима: впереди выступал Гаврило, придерживая рукой картуз, хотя ветру не было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел Дядя Хвост и распоряжался, то есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих.

На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик; у двери стояли два других, с палками. Стали взбираться по лестнице, заняли ее во всю длину.

Гаврило подошел к двери, стукнул в нее кулаком, крикнул:

— Отвори!

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.

— Говорят, отвори! — повторил он.

— Да, Гаврило Андреич, — заметил снизу Степан, — ведь он глухой — не слышит.

Все засмеялись.

— Как же быть? — возразил сверху Гаврило.

— А у него там дыра в двери, — отвечал Степан. — Так вы палкой-то пошевелите.

Гаврило нагнулся.

— Он ее армяком каким-то заткнул, дыру-то.

— А вы армяк пропихните внутрь.

Тут опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается, — заметили в толпе и опять рассмеялись.

Гаврило почесал у себя за ухом.

— Нет, брат, — продолжал он наконец, — армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.

— А что ж, извольте!

И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстие палкой, приговаривая: «Выходи, выходи!» Он еще болтал палкой, как вдруг дверь каморки быстро распахнулась — вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы. Гаврило прежде всех. Дядя Хвост запер окно.

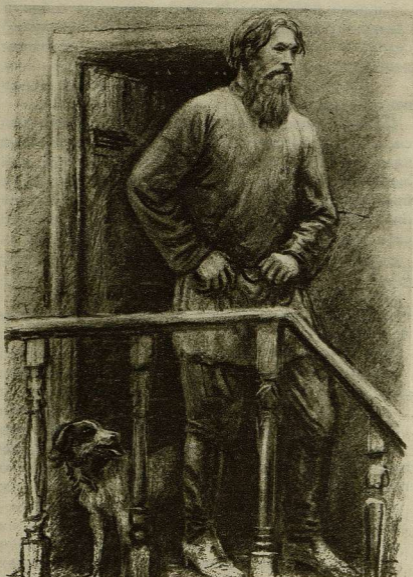
— Ну, ну, ну, ну, — кричал Гаврило со двора: — смотри у меня, смотри...

Гарасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Гарасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтанах сверху, слегка оперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними.

Гаврило сделал шаг вперед.

— Смотри, брат, — промолвил он: — у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, ее сейчас, а то беда тебе будет.

Гарасим неподвижно стоял на пороге.

Гарасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да, — возразил тот, кивая головой: — да, непременно.

Гарасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая все время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берет на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, — замахал ему в ответ Гаврило.

Гарасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь.

Все молча переглянулись.

— Что ж это такое значит? — начал Гаврило. — Он заперся?

— Оставьте его, Гаврило Андреич, — промолвил Степан, — он сделает, коли обещал. Уж он такой... Уж коли он обещает, это наврное. Он на это не то, что наш брат. Что правда, то правда. Да.

— Да, — повторили все и тряхнули головами. — Это так. Да.

Дядя Хвост отворил окно и тоже сказал «да».

— Ну, пожалуй, посмотрим, — возразил Гаврило. — А караул все-таки не снимать. Эй, ты,

Ерошка! — прибавил он, обращаясь к какому-то бледному человеку в желтом нанковом казакине, который считался садовником. — Что тебе делать! Возьми палку да сиди тут, и чуть что, тотчас ко мне беги!

Ерошка взял палку и сел на последнюю ступеньку лестницы. Толпа разошлась, исключая немногих любопытных и мальчишек, а Гаврило вернулся домой и через Любовь Любимовну велел доложить барыне, что все исполнено, а сам, на всякий случай, послал форейтора к хозяину. Барыня завязала в носовом платке узелок, налила на него о-де-колону, понюхала, потеряла себе виски, накушалась чаю и, будучи еще под влиянием лавровишневых капель, заснула опять.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Гарасим. На нем был праздничный кафтан; он вел Муму на веревочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Гарасим направился к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глазами молча. Он даже не обернулся, шапку надел только на улице. Гаврило послал вслед за ним того же Ерошку, в качестве наблюдателя. Ерошка увидал издали, что он вошел в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Гарасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было,

что ее недавно вычесали. Принесли Гарасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Гарасим долго глядел на нее; две тяжелые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая — в щи. Он заслонил лицо своей рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Гарасим встал, заплатил за щи и пошел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового.

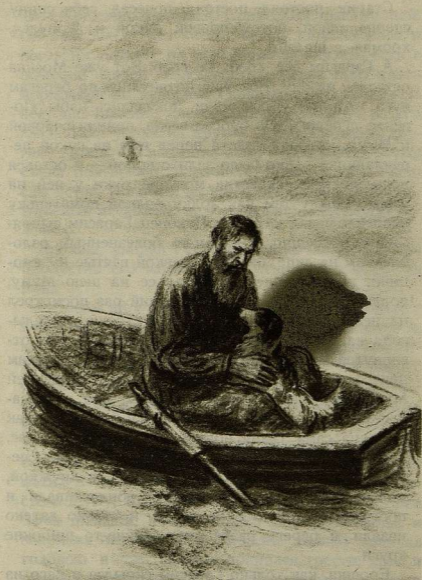
Ерошка, увидав Гарасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Гарасим шел не торопясь и не спускал Муму с веревочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому Броду. На дороге он зашел на двор дома, к которому пристроивался флигель, и вынес оттуда два кирпича подмышкой. От Крымского Брода он повернул по берегу, дошел до одного места, где стояли две лодочки с веслами, привязанными к кольшкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Какой-то хромой старичишко вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Гарасим только закивал головою и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался саженой на сто.

Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромая, в шалаш.

А Гарасим все греб да греб. Вот уже Москва осталась назади. Вот уже потянулись по берегам дуга, огороды, поля, рощи, показались избы. По-вееяло деревней. Он бросил весла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке — дно было залито водой — и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец, Гарасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой, в последний раз посмотрел на нее... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он от-вернулся, зажмурился и разжал руки... Гарасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна сама тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, попрежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, попрежнему поплескивали и постукивали они о бока лодки, и только далеко назади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Гарасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донес все, что видел.

Лодку волной помаленьку относило назад к городу.

— Ну, да, — заметил Степан: — он ее утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видел Гарасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме него.

— Экой чудной этот Гарасим! — пропищала толстая прачка: — можно ли эдак из-за собаки прокляжаться?.. Право!

— Да Гарасим был здесь, — воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

— Как? Когда?

— Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах повстречался; он уж опять отсюда шел, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчет собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну и толкнул меня; должно быть, он так только отстранить меня хотел: дескать, не приставай, — да такого необыкновенного леща мне в становую жилу поднес, важно так, что ой-ой-ой!

И Степан с невольной усмешкой пожался и потер себе затылок.

— Да, — прибавил он, — рука у него, благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем, в ту самую пору, по шоссе, усердно и безостановочно шагал какой-то великан с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Гарасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку,

проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал ее узлом, взвалил на плечо, да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нем с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там, где солнце закатилось, край неба еще белел и слабо румянился последним отблеском исчезавшего дня, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Гарасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги; но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу, — ветер с родины, — ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу, — дорогу домой, прямую, как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его путь, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что когда

восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он уже был дома, в своей избенке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Гарасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки, — и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А в Москве, на другой день после побега Гарасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили ее, сказали Гавриле. Тот пришел, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожить собаку, и, наконец, такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!», пока Дядя Хвост его не урезонил, сказал ему: «Ну-у!» Наконец, пришло известие из деревни о прибытии туда Гарасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем,

она скоро сама после того умерла, а наследникам ее было не до Гарасима: они и остальных-то ма-тушкиных людей распустили по оброку.

И живет до сих пор Гарасим бобылем в своей одинокой избе; здоров и могуч попрежнему и ра-ботает за четверых попрежнему, и попрежнему важен и степенен.

474679

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА
„КНИГА ЗА КНИГОЙ“

1. ПУШКИН — Сказка о рыбаке и рыбке
2. ПУШКИН — Сказка о попе и о работнике его Балде
3. ПУШКИН — Сказка о царе Салтане
4. ЖУКОВСКИЙ — Роланд-оруженосец
5. ЖУКОВСКИЙ — Кубок
6. КРЫЛОВ — Басни
7. ЛЕРМОНТОВ — Ашик-Кериб
8. ТОЛСТОЙ Л. — Булька
9. ТОЛСТОЙ Л. — Филипок
10. НЕКРАСОВ — Дедушка Мазай и зайцы
11. НЕКРАСОВ — Генерал Толпыгин
12. ТУРГЕНЕВ — Бежин луг
13. ТУРГЕНЕВ — Муму
14. ТУРГЕНЕВ — Бирюк
15. ТУРГЕНЕВ — Перепелка
16. ЧЕХОВ — Ванька
17. ЧЕХОВ — Мальчики
18. ЧЕХОВ — Белолобый
19. ЧЕХОВ — Беглец
20. ГОРЬКИЙ — Дед Архип и Ленька
21. ГРИГОРОВИЧ — Гуттаперчевый мальчик
22. ГАРШИН — Лягушка-путешественница
23. ГАРШИН — Сигнал
24. КОРОЛЕНКО — Купленный мальчик
25. МАМИН-СИБИРЯК — Емеля-охотник
26. МАМИН-СИБИРЯК — Серая Шейка
27. МАМИН-СИБИРЯК — Зимовье на Студеной
28. СЕНКЕВИЧ — Янко-музыкант
29. КИПЛИНГ — Слоненок
30. ЛОНДОН — Волк
31. ЛОНДОН — Сказание о Кише
32. СЕТОН-ТОМПСОН — Рваное Ушко
33. СЕТОН-ТОМПСОН — Чинк
34. АНДЕРСЕН — Дюймовочка
35. АНДЕРСЕН — Оловянный солдатик
36. ГРИММ — Храбрый портной
37. ГРИММ — Бременские музыканты
38. УЙДА — Стель
39. УЙДА — Нелло и Патраш
40. РОЛЛАН — Жан Кристоф
41. ТОЛСТОЙ А. — Желтухин
42. МАЯКОВСКИЙ — Кем быть?
43. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ — Басни
44. ЖИТКОВ — Про обезьянку
45. ПРИШВИН — Ярик
46. ФАДЕЕВ — Метелица
47. КАССИЛЬ — Пропавший класс
48. ГАЙДАР — Четвертый блиндаж
49. ТИХОНОВ — Чорт
50. КАССИЛЬ — Турецкие бутсы